

Мария Каспина

Столкновение закона и обычая в традиционной культуре евреев Восточной Европы: народный иудаизм

В данной работе речь пойдет о способах обхождения ряда прямых религиозных запретов, которые были выработаны в еврейской традиционной культуре. Известно, что один из существенных принципов еврейского религиозного законодательства — это наличие жесткой регламентации всех сфер жизни человека, включая мельчайшие детали быта и повседневной рутины. Тем не менее, уже во времена становления и формирования еврейского религиозного права — галахи — раввины настаивали на том, что человек не должен нарушать ни обычаев предков, ни обычаев, принятых в данном месте (Иерусалимский талмуд, Псах. 4:1; Софрим 14:18). Это означает, что даже для основателей еврейского законодательства было очевидно, что в реальной жизни закон зачастую вступает в конфликт с народным обычаем и традициями, принятыми в тех местностях, где проживают евреи в данный момент времени. В еврейском праве вопрос о том, может ли обычай служить правилом, которое противоречит существующему закону, часто становился предметом дискуссии. Особенно бурные споры вызывали обсуждения празднования некоторых календарных дат, связанных с традициями ритуального антиповедения. Так, на праздник Пурим принято было, чтобы мужчины переодевались в женские костюмы и наоборот. В то же

Мария Михайловна Каспина
Центр библеистики
и иудаики РГГУ,
Москва
kaspina@mail.ru

время в Торе прямо сказано: *Да не будет одежды мужской на женщине, и да не наденет мужчина женское платье, ибо мерзость пред Богом, Всесильным твоим, всякий делающий это* (Втор 22:5).

Спор о допустимости или недопустимости этого обычая проходит через всю еврейскую законодательную литературу. В принципе в еврейском праве проводится различие между гражданским и ритуальным законом. Если в сфере гражданского права обычай может отменять закон, то в сфере ритуального законодательства этого, как правило, не происходит: здесь обычай не может позволять то, что запрещено законом. Мы рассмотрим такие случаи столкновения обычая и закона на материале традиционной культуры ашкеназских евреев Восточной Европы XX в. Основными источником для нас станут, во-первых, своды галахических постановлений, и в частности популярный сборник, содержащий в себе сжатый справочник актуального еврейского законодательства Кицур Шульхан Арух (далее — КША) — сокращенный вариант пространного труда по еврейскому религиозному праву, созданного в XVI в. Кицур Шульхан Арух был издан в Унгваре (нынешний Ужгород) в Закарпатье в 1864 г. раввином Шломо Ганцфридом и получил огромную популярность во всех еврейских общинах Восточной Европы. Сборник постановлений охватывает все сферы религиозной и бытовой жизни еврея, живущего в традиционном обществе. Уже в рамках самого текста Кицур Шульхан Аруха содержатся варианты народных обычаев, которые противоречат некоторым законам еврейского права, но они, тем не менее, с определенными оговорками не запрещаются к исполнению.

Во-вторых, мы будем опираться на полевые материалы экспедиций, проводившихся в 2000-х гг. на территории бывших еврейских местечек Восточной Европы: Западной Украины и Молдавии. В 2004–2008 гг. центр «Сэфер» совместно с центром «Петербургская иудаика» Европейского университета провели ряд экспедиций в города Подолии (Тульчин, Балта, Могилев-Подольский и др.). Наряду с этим в 2004–2010 гг. Центр библеистики и иудаики РГГУ (Москва) проводил студенческие этнолингвистические практики и научные экспедиции в Черновцах, Хотине, Кишиневе, Бричанах и Сороках. На материалах этих экспедиций и строится данное исследование. Интервью с евреями, прожившими часть жизни в условиях существования традиционного еврейского уклада, а часть — в условиях активного государственного неприятия любого проявления религиозных традиций, представляют собой уникальный материал для изучения соотношения закона и обычая в культуре и повседневной жизни евреев. Таким образом, в центре нашего

внимания окажутся правила нарушения правил, которые сформировались в еврейской традиционной культуре.

Сами по себе способы обхода некоторых нежелательных последствий нарушения традиционных предписаний уже становились объектом исследования ученых, занимающихся славянской народной культурой [Виноградова, Толстая 1999; Байбурин 2002]. Авторами были выделены несколько основных механизмов формирования в традиции так называемого «обходного маневра» при нарушении запрета. Это прежде всего конструирование «символического перфекта», в котором с помощью символических средств нежелательная ситуация изображается как уже свершившийся факт. Так, смех людей, просыпавших соль, сводит на нет саму вероятность будущей ссоры, которая могла бы возникнуть вследствие нарушения запрета просыпать соль [Байбурин 2002: 6]. Кроме того, важными механизмами избегания наказания за нарушение запрета являются смена статуса объекта, которая снижает сферу его применения [Там же: 9], использование превентивных мер, таких, как жертвоприношение или ритуальный обман [Виноградова, Толстая 1999: 273]. Мы постараемся проследить, до какой степени эти механизмы действуют в еврейской ашкеназской народной культуре.

Можно выделить три типа обхода прямых запретов или способов нарушения предписаний, которые мы встречаем в еврейской традиционной культуре.

1. Узаконенный в самой традиции способ нарушения некоторых религиозных норм, получивший одобрение духовных авторитетов общины.
2. Вынужденный способ хоть как-то сохранить еврейскую традицию в условиях, когда политика государства или общая историческая ситуация исключают возможность нормативного соблюдения религиозных предписаний, путем видоизменения правил.
3. Народные варианты обхода некоторых галахических предписаний и общепринятых постановлений, распространенные среди евреев.

Рассмотрим подробно каждый из этих трех типов ритуального поведения.

Первый путь обхода запрещенных постановлений укоренен в самой галахической еврейской традиции и встречается уже в самых ранних памятниках еврейского права. Этот законодательный принцип называется *пикуах нефеш* — «спасение жизни», и суть его состоит в том, что если очень нужно сделать

что-то запретное, чтобы спасти жизнь человека, то можно нарушить законы субботы или разрешить больному есть во время поста в Йом Киппур (Мишна, Йома 8:5; Вавилонский Талмуд, Йома 85). Амулеты строго запрещены в Библии, однако если они помогли спасти жизнь человеку, закон разрешает их использование. Поэтому на многих амулетах часто можно видеть надпись «проверено, действенно». То же самое касается вопросов обращения к нееврейским магическим специалистам: *Запрещено обращаться к колдунам. Это можно сделать только в случае смертельной опасности, или если он заболел из-за колдовства или каких-то злых сил, разрешается ему излечиться с помощью колдуна-нееврея* [КША 2001: 388 (166:5)]. Значительная часть рассуждений в различных трактатах Мишны и Талмуда посвящена дискуссиям о том, что можно просить неевреев делать в субботу и праздники, а что нельзя (Вавилонский Талмуд, Шаббат 129а; Эрувин 67б–68а; Бейца 6а и др.).

Видимо, из этих законов вырастает впоследствии известная практика договариваться с неевреями о том, чтобы они выполняли определенную работу для евреев в субботу и праздники (подробнее о появлении и распространении этой традиции см. [Katz 1989]). В Восточной Европе эта практика была широко распространена, многие носители этой традиции на Украине и в Молдавии до сих пор вспоминают, как заходили в субботу к соседям-евреям и зажигали им свечи или растапливали печь. Во время праздника Песах, когда в еврейском доме нельзя держать ни крупички квасного, продукты символически продавали нееврейским соседям, заключая определенную сделку — договор о продаже.

В еврейском религиозном праве также существует принцип, что действие, не рекомендованное к выполнению в субботу или праздники, можно выполнить другим, непривычным способом (*бешинуй*), и тогда это не будет считаться нарушением: *Если человек идет выполнять заповедь, например, приветствовать своего отца, или раввина, или человека, превосходящего его мудростью, ему можно перейти вброд реку, но он должен сделать это необычным способом, например, не вынимая рук из-под халата, чтобы помнить, что сейчас Шаббат, и не нарушил бы запрета* [КША 2001: 202 (80:37)]. Следуя этому принципу, религиозные евреи набирают левой рукой телефонный номер «скорой помощи» в субботу [Pegus_010_01], зачесывают волосы в другую сторону [Mosk_010_01], а в израильской армии солдатам, которые служат в субботу, рекомендуют заводить машину левой рукой [Mosk_010_02]. Любопытно, что именно обращение к левой стороне как бы выводит человека, нарушающего закон, за рамки ответственности. Сходным образом во многих мифологических традициях в определенных ритуальных ситуациях

правое и левое могли меняться местами. Судя по археологическим и этнографическим данным, иной мир (мир мертвых, мир духов) у самых разных народов мыслился как мир «наоборот» [Байбурин, Топорков 1990: 29–30]. И такая замена правого и левого может быть интерпретирована как перемена статуса. Нарушающий запрет как бы выходит за границы обычного мира и таким образом перестает являться субъектом предписаний.

Еще один вариант легитимного обхода некоторых законодательных предписаний связан со сменой статуса объекта, подпадающего под запрет. Принято считать, что иудаизм запрещает изображение человека в соответствии со второй заповедью, данной в Библии (Исх. 20:3). Тем не менее, еврейское искусство знает множество примеров несоблюдения этого постановления. А с началом Нового времени во многих еврейских домах появляется традиция украшать помещение портретами выдающихся раввинов или других видных персонажей еврейской истории. Одно из религиозных оправданий этой традиции следующее: *И также запрещено изображать человека. Даже просто рисовать портреты запрещено. И даже хранить портреты дома запрещено, пока рисунок не будет немного подпорчен. Речь идет именно про полный портрет, то есть изображение с двумя глазами и носом; если же человек изображен только с одной стороны, как делают некоторые портретисты, изображая человека в профиль, — это не запрещено* [КША 2001: 391 (168:2)]. Портрет, таким образом, утрачивает свой статус изображения человека и становится разрешенным к использованию. Другой пример такого рода касается запрета переносить мертвое тело в субботу: *Если начался пожар и есть опасение, что мертвое тело сгорит, разрешается переместить его вместе с чем-либо разрешенным, то есть на него или рядом с ним кладут какую-нибудь еду и перемещают их вместе. Если же еды нет, рядом с ним кладут посуду или одежду, которые разрешено перемещать* [КША 2001: 224 (88:16)]. Если положить на тело человека буханку хлеба, то тело утратит свой статус и превратится просто в подставку для еды, на которую не распространяется запрет перемещения в субботу.

Таким образом, мы видим, что основные механизмы, легитимирующие некоторые столкновения обычая, традиции и законодательства, помимо собственно религиозных мотивировок, часто бывают связаны с идеей обмена, замены или смены статуса спорного объекта (нееврей заменяет еврея, символически покупает у него запретные вещи, портрет перестает быть таковым, потому что он искажен, и т.п.). Важно отметить, что иногда такого рода изменения соответствуют универсальным мифологическим категориям (чередование мужского и женского, левого и правого, верха и низа).

Второй тип оправданий нарушения определенных предписаний иудаизма связан с тяжелой исторической и политической ситуацией, в которой оказались евреи в период после Второй мировой войны. Придерживаться заповедей иудаизма было запрещено, и чтобы как-то традицию соблюсти, не привлекая при этом к себе излишнего внимания властей, евреи вынуждены были частично нарушать религиозные законы.

Так, например, по закону в еврейском доме на двери при входе должна висеть мезуза — специальная коробочка с пергаментным текстом молитвы из Пятикнижия. Молитва эта пишется обычно профессиональным писцом чернилами на особым образом выделанном пергаменте, и стоит мезуза довольно дорого. В трудных условиях советского времени, когда невозможно было найти «правильную» мезузу, в таблички на дверных косяках вставляли просто бумажные листы из печатного молитвенника — «Сидура», что противоречит требованиям еврейского права: *Вот у этого сына, не было у него мезузы, так был один у нас Азек, очень ученый, очень... такой человек. Так он сказал: «Я вам дам такие две листочки от сидера, вы туда поставьте. Это будет считаться, что это мезуза»* [Tul_05_059]. «Ученый» человек, являющийся явным религиозным авторитетом, находит компромиссный вариант, который идет вразрез с ортодоксальным иудаизмом, но сохраняет традицию, пусть и в искаженном виде.

Также при необходимости собрать миньян — 10 взрослых евреев, чтобы вести коллективную молитву, — иногда в советское время в числе этих десятерых считали детей, женщин и даже неевреев. В одном из наших интервью мы зафиксировали уникальное свидетельство военных лет: *А миньян — это десять человек. А вот когда мой папа был... мы были в лагере, собрать девять человек было невозможно — расстреляли бы тут — раз-два. Так я помню, когда нужно было, нужен был этот миньян, так папа всегда выходил и считал девять деревьев, а он был десятый* [Chern_08_053_Katz].

В связи с запретом хоронить людей по еврейскому обряду появился еще один компромиссный вариант традиции: человека хоронили в костюме, как принято у всех окружающих народов, но под костюм надевали специальные погребальные одежды — *тахрихим*, в которых следуют хоронить умершего по еврейскому обряду: *Только помыли покойника. Одели, кто хотел — в костюме, но все равно, под низом были тахрихим* [Chern_05_Shvartzbroit]. Один из информантов говорил нам, что если на покойника надеть только костюм, ему будет неспокойно на том свете, его будут «кусать и мучить» [Титова 2006: 38].

Таким образом, можно отметить, что и в случае вынужденного искажения существующих правил основные механизмы формирования «обходных маневров» остаются более или менее сходными: это смена статуса объекта (деревья вместо людей, печатный лист вместо рукописного) и ритуальный обман (тах-рихим, скрывающиеся под костюмом).

Третий тип обхода галахических запретов теснее других связан с универсальными фольклорными представлениями и общими механизмами поиска легитимного выхода из трудной ситуации.

Один из самых известных случаев обхода запрета касается обычая не пересчитывать евреев, поскольку это напрямую не разрешается в Библии. В еврейской народной традиции повсеместно используется отрицательный счет: «не раз, не два, не три...» — как средство обойти данный запрет. Впервые упоминание некоторой опасности, связанной с пересчитыванием израильтян, встречается в книге Исход (30:12): *Когда будешь ты проводить всеобщий подсчет сынов Израиля для определения их числа, перед подсчетом их пусть каждый принесет Богу искупительный дар за душу свою, и не будут поражены они мором при их подсчете.* Второй раз мы находим этот мотив в 24-й главе Второй книги Царств, где речь идет о наказании, постигшем царя Давида, нарушившего этот запрет. В Средние века еврейские комментаторы отчетливо воспринимали его в связи с поверьями о дурном глазе, который мог угрожать людям, попавшим под поголовную перепись. Известный средневековый комментатор Библии Рабби Шломо Ицхаки (Раши), живший в XI в., предлагал свой вариант обхода данного запрета на исчисление людей, опираясь на библейский контекст: *Когда вознамеришься определить их численность, чтобы знать, сколько их есть, то не считай их «по головам», но пусть каждый даст половину шекеля, и сочти шекели, чтобы знать их число. «И не будут поражены они мором при их подсчете» — Ибо над сочтенными властвует дурной глаз, и среди них может начаться мор, как это было во дни Давида* (Пятикнижие с толкованием Раши, Исх. 30:12).

В законодательном сборнике Кицур Шульхан Арух приведен еще один способ обойти данный запрет: *И есть обычай считать евреев для миньяна по словам стиха «Спаси народ Свой и благослови Свое наследие...» (Пс. 28:9), в котором ровно десять слов [КША 2001: 47 (15:3)].* Однако именно вариант отрицательного счета становится особенно популярным в народной еврейской традиции в качестве метода обхода запрета, когда возникает необходимость посчитать евреев для совместной молитвы или просто выяснить количество гостей. Этот обычай хорошо

описан в мемуарной (см., например: [Котик 2009: 170]) и в художественной литературе. Так, в рассказе Шолом-Алейхема «У царя Артаксеркса» есть эпизод, когда герой перечисляет имена всех родственников, пришедших на праздник Пурим: *Надо ли продолжать этот перечень? Пожалуй, не надо, а то как бы не сглазить!.. Дедушка как-то попытался, любопытства ради, сосчитать, сколько народу сидит у него за столом. «Не один, не два, не три, не четыре, не пять, не шесть, не семь...» Но тут бабушка резко оборвала его: «Тьфу ты, прости господи! Что тут считать? Тарелок, слава Богу, хватит на всех!»* [Шолом-Алейхем 1961: 398].

Эта же традиция сохраняется и в современной израильской и восточноевропейской повседневной жизни. Вероятно, такую популярность и устойчивость этот обычай получил благодаря общей укорененности в народной традиции самого представления об отрицательном и обратном счете как о действенном способе борьбы с дурным глазом. Вот, например, как выглядит один из известных еврейских заговоров от сглаза, распространенный в Восточной Европе: *В емкость с водой бросают 3 раза 9 раскаленных угольков (в субботу бросают вместо угольков кусочки халы), и при этом в первый и третий раз считают следующим образом: не один, не два, не три, не четыре, не пять, не шесть, не семь, не восемь, не девять, а на второй раз наоборот, начиная с девяти, то есть: не девять, не восемь, не семь, не шесть, не пять, не четыре, не три, не два, не один. Этой водой, в которую насыпают еще немного соли, обмывают тому, кого сглазили, лицо и грудь* [Lilientalowa 1924: 260]. Поэтому не случайно, что традиция использовать при пересчете евреев отрицательный счет, превентивно оберегающий от сглаза, сохранила такую устойчивость и популярность.

Очень специфический обычай, распространенный среди евреев Подолии, Буковины и Бессарабии, связан с народным представлением о запрете перестраивать печь, которую перестали использовать в доме. Согласно многим устным свидетельствам, у евреев существовал строгий запрет на перестройку и изменение отдельных элементов дома, особенно если это было связано с переносом в другое место окон, дверей и печи, то есть основных границ дома с внешним миром. *[Можно печку в доме перестраивать?] — Можно, но на той место нельзя ходить. — [Ходить нельзя?] — Ходить. Надо сделать такая... ну, высшее... Ну, вот этот пол ровный, забивают пол и на нем одни кирпичи. Кирпич ложат как скамеечку, понимаете, чтобы нельзя ходить на эт... на то место. Потому что... а если окно — тоже переложить надо окошко, окошко, окошко надо, надо окошко делать. У нас в доме переложили оттуда на другом месте, так мы брали кефирные бутылки. И весь, всю длину переложили кефирных*

бутылок, и осталось окошко. Когда мы белили, всё, замазывать не стали, чтобы черты, *der chjort zol aruseyeyen* [чтобы черт мог выйти. — М.К.]. [Chern_05_Shternberg_01].

Такое представление имеет корни в средневековой письменной еврейской традиции: в разделе «Завещание Иехуды хе-Хасида» из книги «Сефер Хасидим» (Германия, XII в.) есть некоторые указания о правилах строительства жилого помещения. В параграфе 20 этого сборника говорится: *Пусть человек не заделывает наглухо окно или дверь, чтобы не повредили ему демоны, ибо их путь — ходить тут. Но пусть он сделает дырку* [Sefer Hasidim 2002: 25]. В примечаниях и комментариях к этому указанию приводится объяснение: демоны привыкли ходить одной дорогой и не умеют сворачивать со своего пути. Схожий запрет распространяется и на перенос печи в параграфе 49: *Пусть человек не разрушает печи и духовки, в которой пекут выпечку. Нельзя ему использовать это место или ремонтировать его, потому что есть большая опасность для него* [Там же: 16]. Этот запрет остается одним из самых актуальных до сих пор. На месте бывших печей во многих домах украинских и молдавских евреев стоят стиральные машины, тяжелая мебель и проч. Во время одной из последних экспедиций нам даже показали саму печь, занимающую почти половину дома, которую, тем не менее, владельцы боятся сносить из-за опасения возможных бедствий и несчастий, последующих за этим действием [Brich_010_Shnaider_01].

Однако народная традиция все же выработала несколько путей обхода этого запрета. По свидетельству петербургской исследовательницы еврейских строительных практик Аллы Соколовой, в основание духовой печи следовало, по существовавшему в Подолии обычаю, поместить своеобразную «мезузу» (остается, правда, неизвестным, какой текст должен быть написан на пергаменте), чтобы охранить хозяев от несчастий, если при постройке дома потребуется разобрать эту печь [Соколова 2000: 21]. Из этого следует, что заранее, еще на стадии постройки печки, можно было обезопасить себя, заложив в основание печи мезузу, которая обладает, помимо всего прочего, апотропеическими функциями. Мотивировок такого обычая записать пока не удалось, однако можно попытаться реконструировать эту магическую практику следующим образом: мезуза способствовала тому, что нечистая сила не использовала печь как место обитания и дорогу из дома и обратно, поэтому перестройка такой печи не несла в себе угрозу для обитателей дома. Печь переставала восприниматься как один из путей нечистой силы, и, таким образом, меняла свой статус. Кроме того, вероятно, перед нами как раз тот самый механизм «обходного маневра», который принято называть «символическим перфектом» —

в основание печи уже помещен оберег от нечистой силы, которая может навредить в будущем.

Второй вариант обхождения данного запрета был зафиксирован в экспедиции в Могилеве Подольском: *[А можно ли печку разбирать?]* — *Не печку, а русскую печь. An oivn. Me darfñ farkouyñ [Печь нужно продать. — М.К.]. За 5 копеек, за копейку. Но бесплатно нельзя разбирать русскую печку. — [А за деньги можно?]* — *Да. — [А кому можно продать?]* — *Кому-нибудь, пускай дадут копейку за печку, что вы продали ее, тогда можно разбирать, вы понимаете?* [MP_08_093]. Мы уже встречали такой механизм символической продажи, когда говорили о различных методах обхода запретов в религиозной еврейской традиции. Популярен он и в народной еврейской культуре. Здесь действует семантика ритуального обмана, когда меняется владелец объекта, и возможная кара за несоблюдение запрета не накладывается, поскольку теряется адресат [Толстая 2004: 458–459].

Ритуальный обман лежит и в основе ряда других случаев обхождения запретов, причем не всегда эти запреты являются религиозно обусловленными, иногда они просто возникают в рамках самой народной традиции. В бывших еврейских общинах Восточной Европы до сих пор особенно актуальными остаются запреты и предписания, касающиеся правил траура и посещения еврейского кладбища. В отличие от многих других обрядов иудаизма, погребальный ритуал и поминальный цикл остаются наиболее востребованными в современной практике. Среди наиболее известных и распространенных предписаний можно назвать запрет посещать кладбище в субботу и праздники, запрет детям ходить на кладбище до тех пор, пока живы родители, или запрет возвращаться с кладбища той же дорогой, что шли туда (см. [Дымшиц 2008: 135–158]). Один из обычаев запрещает подходить во время похорон одного человека к могилам других родственников, лежащих на том же кладбище. Мотивировка такого запрета обычно не приводится или говорится, что иначе покойник, которого хоронят, может обидеться. Это не строгое предписание, в основных сводах законов оно не встречается, однако в некоторых локальных традициях Подолии и Бессарабии ему придается большое значение. В Черновцах у уроженца Хотина нам удалось записать вариант обхода такого запрета.

[А вот если приходят хоронить, можно еще на другие могилы заходить было?] — *Даже если не только на могилы заходить, но даже если и посещаешь могилу одного. Ну скажем отца или матери или бабушки, значит ты пошел с этой целью, значит нельзя посещать другие могилы. Из любопытства или там другие...*

Но есть там такое... Евреи всегда находят выход в этих сложных ситуациях: есть такой обычай, что надо выйти из кладбища на улицу, ты уже якобы ушел из кладбища, и потом чтобы не ехать снова в город, с улицы снова зайти на кладбище. Ну, в первую очередь надо зайти к тому, для чего ты пришел, а потом можешь снова зайти. Выйдешь так на пять шагов, подождешь минуту и снова зайдешь, тогда можешь идти куда хочешь — посещать другие могилы, просто смотреть. Вот такой обычай [Chern_may_09_049_Gurfinkel].

Перед нами та же семантика ритуального обмана: человек обманывает умерших, делая вид, что он только что пришел и тем самым облегчает себе жизнь, не приезжая к могиле каждого родственника специально. При этом любопытно, что сам информант подчеркивает характерную особенность такого варианта: *евреи всегда находят выход в этих сложных ситуациях!*

Следующий пример народных вариантов обхождения законодательных постановлений связан с более известной традицией — с запретом оставлять на ночь вырытую пустую могилу. Это достаточно универсальный запрет, и встречается он в традициях многих народов. По сербской традиции, если погребение по каким-либо причинам откладывалось, разрытую могилу присыпали землей, а на следующий день откапывали заново, так как верили, что активизирующиеся ночью злые духи могут поселиться в открытой могиле, а затем войти в тело покойного, и тот станет вампиром. У русских могильщики не рыли могилы заранее, а если вырыли, то не уходили, стерегли ее от нечистой силы; считали также, что пустая могила может повлечь еще чью-нибудь смерть, поэтому старались, чтобы могила не «ночевала» пустая (см. [Плотникова 2004: 267]). Есть такое представление и в сводах еврейских погребальных постановлений: *Если могила уже выкопана, ее не оставляют на ночь открытой, поскольку это опасно. Если же до завтра похоронить мертвого не успеют, следует засыпать могилу землей* [КША 2001: 430 (199:13)]. В анкете-опроснике, которую составил в 1915 г. один из основателей еврейской полевой этнографии С.А. Ан-ский, есть такой вопрос: «Не закапывают ли в пустую ненужную могилу живого петуха?» [An-ski 1929: 92] Ответов на этот вопрос, увы, не сохранилось, и в актуальной традиции такая практика жертвоприношения неизвестна. Однако в городе Хотине нам удалось записать другую версию решения данной проблемы.

У евреев как — сегодня умер, сегодня хоронят. Нельзя, чтоб яма была выкопана. У нас был такой случай — я это знаю точно — потому что раньше копал яму... должен был копать яму только еврей. Ну, это по бумагам. Этот еврей, что должен был копать,

нанимал себе русского сторожа — тот копал, а тот себе наваривал на этом. Ну и выкопали яму, не привезли. Так этого рыжего — Фима был, он сейчас в Израиле. Он умер. Так ему заплатили, чтобы он ночевал в этой яме. Ну, он не ночевал, он ночевал у Бойко в хате, а кто знает — поди докажи. Бойко — фамилия сторожа. Ну я-то знал, мы работали вместе. Он ночевал у Бойко в хате, а ему заплатили и всё. <...> Чтoб пустая яма стояла, нельзя было. Обычай такой. Да он и сейчас есть. Но сейчас в таких городах, как Черновцы, — там таких ям авансом накопано море... [Khotin_09_01_Meerzon].

Здесь описывается ситуация двойного обмана — обмана общины, нанимающей еврея для того, чтобы обмануть смерть или другую опасность, которая может случиться с общиной, если оставить могилу пустой. И несмотря на явно скептическое отношение информанта к такой ритуальной практике, из этого фрагмента интервью видно, как он осуждает нарушение данной традиции в больших городах, где целые ряды могил накопаны «авансом».

Еще один способ обхода существующего правила тоже касается поминального обряда и связан с законами траура, по которым в течение семи дней скорбящий должен сидеть дома на полу и ходить босиком или без кожаной обуви. Однако в случаях, когда соблюдение траура было невозможно и приходилось выходить на работу в течение этих семи дней после похорон, старались видоизменить обычай: в обувь клали землю с могилы. Таким образом, вероятно, происходил перенос пространства смерти в будничную повседневную жизнь. Подобная практика описана в своде еврейских постановлений: *Если соблюдающий траур отправляется в путешествие, ему разрешается надевать обувь, но в сандалии следует насыпать немного земли. И так же он должен поступить во всех других случаях, когда ему требуется надеть обувь* [КША 2001: 444 (209:7)]. Однако здесь не приводится никакой мотивировки, а также не сказано, что землю нужно брать непосредственно с могилы. В одном из интервью в Могилеве Подольском нам удалось зафиксировать достаточно нестандартное объяснение данного обычая: *[А траур сидят?] — Шиве. Семь дней. Семь дней сидят на полу. Я тоже. Я сидел и жена, хотя у меня жена украинка, мы тоже вместе сидели. Сидели за мамой семь дней. Вот. <...> Надо землю... землю берут в носки. — [В носки землю? Откуда?] — С могилы. Также это как-то объясняется, что вроде ходишь, чтобы каждый день не ходить туда, что ты как бы ходишь возле этого... возле покойника. Ну, такое я прислушался, вроде как слышал* [MP_08_063]. Небольшой кусочек земли с могилы, по которому ходит скорбящий, символизирует постоянное присутствие человека рядом

с местом захоронения. Вообще говоря, еврейская традиция не предписывает каждый день траура приходить на могилу покойного, тем не менее, именно такую мотивировку приобретает в сознании нашего информанта данная практика ритуального обмана.

Последний пример столкновения закона и обычая, о котором стоит сказать несколько слов, имеет явно курьезный оттенок. Речь идет о том, как правильно есть свинину. Вряд ли стоит говорить о распространенности и популярности такого объяснения, поскольку за всю практику полевых исследований оно встретила нам только один раз из уст информантки 1931 г.р., уроженки города Черновцы. Тем не менее, механизмы формирования обхода запрета, которые здесь задействованы, представляются нам достаточно любопытными: *[А еврею свинину едят?]* — *О-о, кто как. Знаете, сказать вам так честно если, это еще ничего! Ты не убиваешь, ты не проклинаешь, хочешь попробовать — ну и что?! И она вкусная, я и сама всегда беру кусочек свинины. Но надо знать — какую! Передняя часть можно взять кусочек. — [Переднюю. А заднюю?]* — *Не-не. — [А почему заднюю нельзя?]* — *Потому — через задняя часть она рождает!* [Chern_07_022_Gimelbrandt]. С одной стороны, такая мотивировка не имеет никакого основания в традиции — свинина является некошерным продуктом и никаким образом употреблена в пищу быть не может. С другой стороны, понятно, что ассимилированные евреи, живущие в отрыве от строгой религиозной традиции, свинину едят (см. об этом подробнее [Shternshis 2006: XIII–XIV]), и у них появляется потребность выработать себе оправдание. Интересно отметить при этом, что оправдание находится вполне традиционное: задняя часть туши даже кошерного животного — коровы или овцы — считается некошерной, поскольку там есть одно сухожилие, которое нужно удалить особым образом. Запрет есть это сухожилие встречается еще в Торе, где речь идет о том, как Иаков боролся с ангелом и тот повредил ему бедро: «Поэтому не едят сыновья Израиля сухой жилы, которая покрывает выпуклость бедра до сегодняшнего дня, потому что коснулся выпуклости бедра Иакова в жилу сухую» (Быт. 32:33). Существует даже специальная еврейская профессия *менакера* — человека, который умеет вырезать эту жилу. Однако в общинах Восточной Европы в целях экономии предпочитали просто продавать всю заднюю часть туши неевреям. Видимо, поэтому в сознании нашей информантки произошел такой перенос одной существующей традиции на другую, несуществующую, только мотивация сменилась — заднюю часть свиной туши нельзя есть, потому что она ритуально нечиста — через нее проходят роды.

Итак, на основании изложенных выше примеров можно прийти к выводу, что основные механизмы правил по нарушению правил, которые сформировались в еврейской традиционной культуре, более или менее идентичны универсальным методам обхода запретов и предписаний: конструирование символического перфекта, смена статуса объекта и ритуальный обман. В силу специфики диаспорной жизни у евреев выход из затруднительного положения часто находится с помощью нееврея, то есть человека, не подпадающего под действие еврейских предписаний и постановлений. Значительно меньше, чем в славянской традиции, распространен у ашкеназских евреев способ обхода запрета с помощью жертвоприношения, однако некоторые следы таких обычаев можно обнаружить и здесь [An-ski 1929: 92]. Самые яркие параллели с универсальными методами обхождения запретов и предписаний встречаются в сфере народных повседневных практик, связанных с устройством дома, с поминальным обрядовым циклом, с защитой от нечистой силы. Тем не менее, и в тех случаях, когда речь идет о вынужденном искажении существующих законов иудаизма, основные механизмы формирования «обходных маневров» остаются схожими. Более того, даже в области галахи, то есть еврейского законодательства, также часто оказываются задействованы механизмы ритуального обмана и смены статуса объекта при мотивировках общепринятых практик, не всегда соответствующих религиозным предписаниям. Любопытно отметить при этом, что в современном еврейском законодательстве обычай продолжает играть очень значимую роль, и некоторые постановления, явно идущие в разрез с законом, но укоренившиеся в традиции, приобретают, благодаря решениям раввинов, статус разрешенных. Так, один из ведущих ашкеназских религиозных авторитетов XX столетия, раввин Шломо Залман Ойхбарх разрешил лепку котлет во время еврейских праздников. В целом же лепка котлет, как и любая другая созидательная деятельность, в субботы и праздники запрещена еврейским религиозным законом. Раввин разрешает лепить котлеты в праздники со следующей мотивировкой: *Откуда я знаю, что это разрешено? Так делала моя мама, так делала ее мама, так делали во всех поколениях* [Баренбаум 2010].

Библиография

Байбурин А.К. «Нельзя... но если очень нужно...» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 4–11.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 116 с.

- Баренбаум И.* Вопросы и ответы по законам шаббата // Московский еврейский общинный центр. 10.08.2010 <http://www.mjcc.ru/Religiia/SHabat/Ykrashenie_blud_v_SHabat_/index.html>.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Запреты // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 269–273.
- Дымшиц В.А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл XXI век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 135–158.
- Кицур Шульхан Арух / Пер. с иврита А. Кутукова. М.: Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России, 2001. 512 с.
- Котик Е.* Мои воспоминания. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2009. 392 с.
- Плотникова А.А.* Могила // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 266–272.
- Пятикнижие с толкованием Раши. Иерусалим: Швут Амии, 2006. 573 с.
- Соколова А.В.* Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии // Живая старина. 2000. № 2. С. 17–22.
- Титова Е.А.* Еврейский похоронный обряд Черновицкой области // Живая старина. 2006. № 2. С. 37–39.
- Толстая С.М.* Обман // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 457–460.
- Шолом-Алейхем.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 5. 784 с.
- An-ski S.* Der toyt in dem yidishn folksgloybn // Filologishe shriftn. 1929. No. 3. Z. 89–100. (на идише)
- Katz J.* The “Shabbes Goy”: A Study in Halakhic Flexibility / Trans. by Yoel Lerner. Philadelphia; Jerusalem: Jewish Publication Society, 1989. 254 p.
- Lilientalowa R.* “Ein hore” // Yiddishe filologye. 1924. No.1. Z. 245–271. (на идише)
- Sefer Hasidim. Jerusalem: Mosad ha-rav Kuk, 2002. 356 p. (на иврите)
- Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 241 p.

Полевые материалы

- Brich_01_Shnaider_01 — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Бричаны (Молдавия) от ж., 1935 г.р., род. в Могилеве Подольском, с 1959 г. живет в Бричанах.
- Chern_05_Shternberg_01 — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от ж., 1925 г.р., род. в Хотине, в Черновцах живет с 1984 г.

- Chern_05_Shvartzbroit — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от ж., 1925 г.р., род. в Малых Черневцах (Подолія), с 1948 г. живет в Черновцах.
- Chern_07_022_Gimelbrandt — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от ж., 1931 г.р., род. в Черновцах.
- Chern_08_053_Katz — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от ж., 1935 г.р., род. в Черновцах.
- Chern_may_09_049_Gurfinkel — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от м., 1934 г.р., род. в Хотине, с 1946 г. живет в Черновцах.
- Ierus_010_01 — Архив автора, ж., 1978 г.р., род. в Москве, с 1998 г. живет в Иерусалиме.
- Khotin_09_01_Meegzon — Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Хотин от м., 1941 г.р., род. в Хотине.
- Mosk_010_01 — Архив автора, ж., 1982 г.р., род. в Волгограде, с 1999 г. живет в Москве.
- Mosk_010_02 — Архив автора, м., 1958 г.р., род. в Москве, с 1990 г. живет в Израиле.
- MP_08_063 — Архив Центра «Петербургская иудаика», зап. в г. Могилев Подольский от м., 1957 г.р., род. в Могилеве Подольском.
- MP_08_093 — Архив Центра «Петербургская иудаика», зап. в г. Могилев Подольский от м., 1934 г.р., род. в Могилеве Подольском.
- Tul_05_059 — Архив Центра «Петербургская иудаика», зап. в г. Тульчин, Винницкая обл. от ж., 1927 г.р., род. в Тульчине.